

Александр Грин

Пешком на революцию

Александр Грин
Пешком на революцию

«Public Domain»

1917

Грин А. С.

Пешком на революцию / А. С. Грин — «Public Domain», 1917

«— А теперь, Александр Степанович, — сказал финн Куоколен, входя в мою маленькую халупу, где, стоя у раскаленной плиты, производил я некоторые кулинарные опыты, — в Петроград вы не попадете. Движение поездов остановлено. В Петрограде резня. Станция, где я жил, находится в 72 верстах от Петрограда. Дача моя стоит в лесу, минутах в 10 ходьбы к станции. Чувство отрезанности было у меня и до прекращения поездного движения. Теперь же, выслушав Куоколена, я испытал нечто, вроде того, как если бы меня среди бела дня неожиданно связали по рукам и ногам, заперли в темный угол и оставили одного, бросив на прощанье несколько загадочно страшных фраз. Неизвестность происходящего в Петрограде тянула меня в столицу с силой неодолимой...»

Александр Грин

Пешком на революцию

I

– А теперь, Александр Степанович, – сказал финн Куоколен, входя в мою маленькую халупу, где, стоя у раскаленной плиты, производил я некоторые кулинарные опыты, – в Петроград вы не попадете. Движение поездов остановлено. В Петрограде резня.

Станция, где я жил, находится в 72 верстах от Петрограда. Дача моя стоит в лесу, минутах в 10 ходьбы к станции. Чувство отрезанности было у меня и до прекращения поездного движения. Теперь же, выслушав Куоколена, я испытал нечто, вроде того, как если бы меня среди бела дня неожиданно связали по рукам и ногам, заперли в темный угол и оставили одного, бросив на прощанье несколько загадочно страшных фраз. Неизвестность происходящего в Петрограде тянула меня в столицу с силой неодолимой.

– Еще можно, может быть, – сказал финн, – застать четырехчасовой поезд, – он стоит на разъезде, потому что лопнула ось товарного вагона. Вагон снимут, и поезд двинется. Торопитесь, но знайте, что это последний поезд и идет он все равно только до Оллила.

Оллила – последняя, перед Белоостровом, станция – от Выборга. Я надел шляпу, пальто, сунул в парусиновую финскую котомку 2 кило баранок, булку и $\frac{1}{4}$ ф. масла и побежал к станции.

Здесь я застал, у телефонного аппарата, сторожа-финна, говорившего с Перкьярви, но не застал поезда. Шум его колес уже стихал в лесистой дали. Перкьярви сказала сторожу, что поездов действительно больше не будет, а сторож сообщил это мне и неизвестному молодому человеку в очках, с бледным лицом, одетому по-лыжному, во все вязаное и шерстяное.

Молодой человек, оказавшийся заведующим поставкой строительных материалов, проявлял необычайное волнение. То он торопливо советовался о чем-то с подвластным ему мужиком, то пытал сосредоточенно, угрюмо молчащих финнов расспросами о поездах, часах, расстояниях и т. д. Под мышкой у молодого человека был сырой телячий окорок, обернутый газетной бумагой. Незнакомец горячо говорил о своем решении идти – «когда так» – пешком [в] Петроград (больная жена), а так как я, с котомкой за спиной, уже приготовился к этому, то мы познакомились и, привязав окорок к спине молодого человека целой сетью бечевки, тронулись в путь, – около семи часов вечера.

В состоянии крайнего нервного возбуждения зашагал я меж уныло черневших рельс. Канишевский¹, новый знакомый мой, шел впереди, – бедняга оказался туберкулезным, простреленным на позициях, и физически вообще слабым; удобнее поэтому было мне соразмерять свой шаг с его шагом, имея спутника впереди, чем ему догонять меня, шагающего довольно быстро. Давно уже не приходилось мне предпринимать пешие путешествия. Десять лет малоподвижной городской жизни сделали пеший конец от Знаменской до Адмиралтейства изнурительным, сложным – с остановками – переходом, но нервный заряд – громовая Петроградская новость – внезапно вернул телу всю ег[о] сухую прежнюю легкость и напряжение. Я чувствовал, что могу пройти сто, двести и триста верст, как в старые времена, когда в качестве «пожирателя шпала» ходил, гулял из Саратова – в Самару, из Самары – в Тамбов и так далее.

По дороге, среди разговора, выяснили мы два обстоятельства: первое, что телячий окорок режет бечевками плечи Кашиневского, и второе – что в Белоострове могут не пропустить через границу.

¹ Далее этот же персонаж назван *Кашишевским* и *Калишевским*. – (прим. верстальщика).

Последнее было страшно, потому что, будь так, мы бесполезно промаршировали бы тридцативерстное, до русской границы, расстояние, считая столько же, но с отвратительным чувством бесцельности – назад. Мы поворачивали это обстоятельство всячески, рассматривали его в худую и хорошую сторону, спорили, раздражались и, наконец, предоставили все судьбе, решив идти до тех пор, пока хватит сил и сообразительности.

Первой станции мы достигли ровно через час; выпили по стакану кофе, подложили на ключицы Кашиневского тампоны из газетной бумаги, чтобы не впивались бечевки, и выслушали торжественные резоны начальника станции, поклявшегося, что если мы и попадем в Петроград, то только: ногами вперед.

Кстати сказать, до самых Озерков преследовали нас слухи самого ошарашивающего свойства. Говорили, что взорваны все мосты, что горит Коломенская часть, Исаакиевский собор и Петропавловская крепость, что город загроможден баррикадами, что движется на Петроград свирепая кавказская дивизия и что каждому человеку дают в руки ружье.

Бери и иди с нами.

Сквозь все эти топографические и бытовые подробности ясно просвечивало общее, громогласное мнение: «идти в Петроград – идти на верную смерть».

Отдохнув, мы тронулись дальше. Поднялся резкий, в лицо, морозный ветер, светила луна. Моя левая, разорванная где-то по дороге, калоша сползала и щелкала, как персидская туфля. Мы переходили с левой пары рельс на правую и обратно, в зависимости от того, как и где лежал снег – плотно или рыхло. Во время этих переходов я чуть не попал под товарный поезд, налетевший сзади, из Выборга. Кашиневский схватил меня за руку и толкнул – я проскочил в трех шагах от зловеще засиявшего фонарями паровоза. Но и Канишевскому пришлось броситься в снег, чтобы уцелеть.

Товарных поездов и отдельных паровозов пробегало вообще очень много в эту ночь, и к Выборгу и к Белоострову. Мы часто принимали далекие их, впереди, огни за огни станций. В грохочущей быстроте и обилии их чувствовалось смятение. Кое-где, на станциях, финны говорили:

– Что же мы – смотреть будем? Мы тоже бастуем, вот – поезда пассажирские остановили, а там посмотрим.

Одно загадочное обстоятельство отметил я по дороге. С начала войны вблизи каждой станции, на путях и у всех самых ничтожных мостов стояли часовые-солдаты. В эту ночь мы нигде не встретили часовых. Они словно провалились сквозь землю.

Однако, пройдя еще две или три станции, мы, зная, что по полотну ходьба воспрещается, и опасаясь попасть под пули этих самых несуществующих часовых, почувствовали себя не совсем ловко. Решив продолжать путь дальше по шоссе, а не по рельсам, мы, заметив в стороне несколько темных строений, постучали в первый подвернувшийся дом. Окно осветилось, открылась дверь. Нас встретил ни слова не понимающий по-русски пожилой финн[,] с которым бились мы не менее получаса, пытаясь узнать, как выбраться на шоссе. Я изображал, на столе, пальцами, шагающего человека, подражал звону колокольчика: «Динь-динь-динь», – рисовал на бумажке извилистую полоску – шоссе, и прямую – рельсы, затем, указывая первую, приятно улыбался, закатывая, как тенор, глаза, а показывая вторую – хмурился и мотал головой. Ничего не помогало. «Эй юмора» – «не понимаю», – твердил терпеливо финн, посматривая на нас так безучастно, как будто двое полузамерзших людей с баранками и телятиной за плечами являлись к нему по нескольку раз в ночь, давно и основательно надоев. Наконец, устав, мы ушли – на те же сумрачные, лунные, морозные рельсы.

Я остановился закурить папиросу и увидел бегущего, догоняющего нас человека. В полутьме трудно было рассмотреть, кто это, и я решил, что к нам бежит часовой, с намерениями весьма суровыми. Но я ошибся. Подбежавший оказался третьим пешеходом – матросом Балтийского флота. Он гостил на той же станции, где жил я. Узнав, что на Петроград вышли два

пешехода, матрос, компании ради, пустился догонять нас. С ним был только маленький узелок – новые ботинки жене. Матрос мгновенно ободрил нас, сильно уже уставших и приунывших. Весь его вид, тон, голос, стремительная решительность и простое отношение к слухам – как к слухам – ясно говорили, что «не так страшен черт, как его малюют». Шел он быстро, мелким, прямым шагом, и спотыкающийся от усталости Канишевский начал все чаще просить – «не идти так скоро».

Вскоре после встречи с матросом, за зеленым огнем семафора, вышли мы к станции Райволо.

Здесь ожидало нас невыразимо приятное известие: шел самый последний, запоздавший почтовый поезд; шел до Белоострова; купив в кассе билеты, восторженно обменялись мы по этому случаю приветствиями и ликующими соображениями. Еще бы! Поезд сокращал наше пешеходство на целых двадцать верст!

Минут через десять мы сидели уже в теплом вагоне третьего класса, а еще через пятнадцать минут нас безжалостно высадили в Куоккало – предпоследней, от границы, станции. Поезд дальше не шел.

II

На станции застали мы множество пассажиров, ссаженных с последних двух поездов. Были тут дамы, офицеры, студенты, рабочие, толстые человеки в шубах и совершенно неопределимые личности. Большинство топталось, не зная, где приткнуться, присесть: все скамьи и часть пола у стен были заняты обескураженными, угрюмо молчащими пассажирами. Кой-где собирались шепчущиеся, раздраженные кучки, иные бродили по вокзалу, расспрашивая, нельзя ли достать на Петроград лошадей. Не было не только лошадей, но и свободных номеров в местных гостиницах. Калишевский, сильно усталый, растянулся на столе, с телятиной под головой, я мрачно сидел у стены, прожевывая баранку. Опрос пассажиров заставил нас приуныть: нам сказали, что граница всегда, как правило, закрыта до 6-ти утра и что нет смысла идти к Белоострову теперь, глухой ночью. Яд слухов растекался по станции. Матрос исчез. Вдруг он появился в компании человек пятнадцати солдат и рабочих.

– Ну, пойдемте, – сказал он, – врут это, пустое все, граница открыта. Я уж узнал, идем, что ли? Я это потому, что уговорились вместе быть, значит, не бросать же товарищей.

Прислушавшись к внутреннему голосу, редко обманывавшему меня, я решительно поднялся и окрикнул дремавшего Калишевского. Он встал и присоединился, тут же присоединилось к нам несколько человек в шубах и три дамы. Все пошло быстро, гуськом и парами, как придется. Об этой, десятиверстной, части пути до Белоострова могу я сказать только, что механически передвигал замерзшие ноги, смотрел в чью-то спину и слышал, как скрипит, по снегу, взади и впереди, множество угрюмых шагов.

Дамы и толстые шубные человеки отстали от нас в Оллило. Засияла далекая, красивая в черной дали, иллюминация разноцветных Белоостровских огней. Нырнув куда-то вниз, вбок от моста, предстали мы целой толпой перед постовым дежурным жандармом, который, смущенно осмотрев паспорта наши, отправил нас с солдатом, предварительно точно пересчитав всех, к дежурному жандармскому ротмистру.

В помещении, куда мы попали, теплом и светлом, было человек двадцать жандармов, смотревших на нас кротко, но удивленно.

Едва начались расспросы, как вышел ротмистр, молодой, испуганный человек с плотным сырым лицом.

– Что такое?

– В Петроград.

– Не имею права, – нет, нет, не имею права. И помните – идите теперь по шоссе, – на линии вы можете попасть под расстрел.

Последнее мы приняли к сведению, поднялись и вышли, сопровождаемые жандармом, указавшим, как пройти на шоссе. В дальнейший путь отправилось нас всего шестеро – мы трое, прежние, да еще три солдата, остальные, струсив, остались на Белоострове.

Дальнейшее – до ясного, солнечного незабвенного утра в Озерках, Удельной, Ланской, Лесном и Петрограде – припоминается мною смутно, сквозь призму морозного окоченения, смертельной усталости и полного одурения. Мы то шли, изредка поворачиваясь спиной к ветру, чтобы отогреть нос, то бежали, то пытались достучаться в какую-либо из бесконечно тянувшихся по Выборгскому шоссе дач, чтобы обогреться и покурить. Где-то на мрачном, писчебумажном заводе удалось мне встретить незапертую дверь коридора квартиры управляющего; небритый, страшный, вошел я на кухню и насмерть перепугал своим появлением девушку, сестру управляющего. Наспех она оделась, наспех выслушала мои извинения, а я, наспех же выкурив в тепле папиросу, выскочил догонять спутников.

Светало, когда в чайной, близ Парголова, за горячим чаем, свининой и ситным, мы несколько отошли. Но беспокойство гнало вперед. В Парголове было еще тихо, а от Шувалова до Петрограда Выборгское шоссе представляло собой сплошную толпу. В ней мы постепенно растеряли друг друга. От Озерков я шел один. По дороге я видел: сожжение бумаг Ланского участка, – огромный, веселый костер, окруженный вооруженными студентами, рабочими и солдатами; обстрел нескольких домов с засевшими в них городовыми и мотоциклетчиками, шел сам, в трех местах, под пулями, но от усталости почти не замечал этого. Утро это, светлое, игривое солнцем, сохранило мне общий свой тон – возбужденный, опасный, как бы пьяный, словно на некоем огромном пожаре. Железнодорожные мосты, с прячущейся под н[ими] толпой, осторожные пробеги под выстрелами пешеходов, прижимающихся к заборам; красноречиво резкие перекаты выстрелов, солдаты, подкрадывающиеся к осажденным домам; иногда – что-то вдали, – в пыли, в светлой перспективе шоссе, – не то свалка, не то расстрел полицейского – всего этого было слишком много для того, чтобы память связно восстановила каждый всплеск волн революционного потока. Пройдя гремящий по всем направлениям выстрелами Лесной, я увидел на Нижегородской улице, против Финляндского вокзала, нечто изумительное по силе впечатления: стройно идущий полк. Он шел под красными маленькими значками.

Около двенадцати дня я сел на диван в гостиной доброго знакомого, дожидаясь любезно предложенного мне стакана кофе. Кофе этот я пил во сне, так как не дождался его. Ткнувшись головой в стол, я уснул и проспал восемнадцать часов.